

ЛЮДИ И ВСТРЕЧИ

Очерк

А. БИБИК

Покачиваясь на свежей зыби Балтийского моря, товаро-пассажирский пароход увозил из Швеции группу депутатов «Объединительного» съезда.

Посылая Игната на съезд, выборщики-рабочие наказывали:

— Ты же там не очень пригибайся перед авторитетами. На всякого, говорят, мудреца довольно простоты. Разберись по-честному, где сено, а где солома.

И вот он полулежит на коже дивана в кают-компании, перебирает в памяти выступления Плеханова и Ленина, Аксельрода, Луначарского и других. Мелькают мелкие, частью забавные эпизоды. В поле зрения — нарядный буфет и около дюжины привинченных к полу круглых столиков. Большинство их занято делегатами, поодаль сидят «европейцы», не то англичане, не то скандинавы. Отдельно, — в спокойных манерах, когда-то красивая дама.

От покачивания парохода и, видимо, гриппа слегка тошнит и клонит к дреме, а ритмичное и озабоченное, где-то внизу, дыхание машины как будто тревожит и побуждает: «Решай окончательно! Пославшие тебя ждут ясности». Ну, что же, он скажет им: «Объединились!» Но вот уже то, как «фракционно» расположились делегаты за столиками и какими острыми репликами обмениваются столики, говорит ему, что в объединении отсутствует самое главное — искренность. Вон, за соседними столиками, на которых непритязательная еда и кружки пива, пикируются и часто смеются блестящий Луначарский и не менее привлекательный доктор Чичинадзе. Но в их игре рапирами остроумия чувствуется напряженность. А, может, это ему так кажется от физической слабости?

На минуту привлекают внимание два иностранца, внимательно следящие... что их, собственно, заинтересовало? Почему на их лицах гримасы пренебрежения? Прямая линия от этих гримас приводит его к столику, за которым рабочий с Донбасса и два грузина

кромсают котлеты и кусок рыбы — о ужас, ножами!

А возможно, что это шпионы? В Стокгольме была слежка, а на обратном пути участников съезда подстерегает чуть ли не вся эскадра Балтийского флота.

При отправлении из Стокгольма, так же как и при приезде в него, депутатам рекомендовалась строгая конспирация. Но как сюда, так и отсюда молчание и разобщенность длились не более часа. Сейчас весь воздух большой каюты полон из конца в конец порхающими: «муниципализация», «социализация», «Маслов», «отрезки-прирезки».

Игнат приласкал прыгнувшего на диван длинношерстного кота и улыбнулся: наверно, и кот знает, что едут русские революционеры!

Ну и черт с ними, с их высокомерным «рюсише швейн!» Важнее то, что слияние фракций — формальное, а не органическое. Вот они звучат две противоположные тенденции политической мысли, слегка приглушенные, но в дальнейшем развитии своем — непримиримые.

В борьбе двух авторитетов он растерялся. С первых шагов своей сознательной жизни он находил свое место в обществе и во вселенной по Бельтону и Дарвину. Созданное ими мировоззрение вошло в плоть и кровь. Но к сердцу ближе стремительная, логически-неотразимая речь другого авторитета, с узкими, чуть насмешливыми глазами под могучим черепом.

К безукоризненной европейской внешности Плеханова, остроте его слова и самой манере — на французский лад — говорить как будто с надменностью, надо было немного привыкнуть. Не раз Игнат вскрикивал с места: — «Товарищ Зоммер, спокойнее!» Но глубокий анализ минувших событий и прогноз возможного завтра звучали, казалось, неотразимо даже для некоторых большевиков. Блестящий теоретик истори-

ческого материализма, крушитель народнических и прочих утопий категорически утверждал свой авторитет в глазах Игната. Но одна фраза, ставшая потом исторической, насторожила. Плеханов сказал:

— Не надо было братья за оружие! Фраза заставила крепко задуматься, а затем — оборвать гипноз предпосылок. Нет, нет: фраза слишком рассудочна, фраза вызвана слабостью и неудачей вооруженного сопротивления. Но сопротивление, черт возьми, было естественно и — законно!»

Вот после чего удвоилось внимание Игната к необыкновенно стремительной речи крепко сбитого, большеголового, в манерах неприятельного Ленина.

— Да, восстание не удалось, — честно признался он. — Но теперь рабочие знают самый действенный и неизбежный способ борьбы! К следующей схватке с врагом — о чем история позаботится! — они придут обогащенные опытом...

Чья-то реплика: — Опытom поражения?

— Да, опытом вчерашней неудачи, — невозмутимо отвечает Ленин.

Едва осязаемый ход поршня вызывает легкую вибрацию парохода и будто побуждает Игната: «Думай! Додумывай до конца! Объединения нет, есть только «временное перемирие».

Решает: нужно поговорить с Луначарским!

Плеханов и Ленин полушутя проехали насчет его «человеческой религиозности».

И только поднялся, шагнул от дивана — сильный толчок парохода едва не свалил его с ног. В звоне стекла со столиков, стоек и шкафа-буфета, потоком падала посуда и приборы.

Минутное ошолобление. Вскрик: «Авария?! И публика бросается к выходу. Чичинадзе торопливо отряхивается от выплеска пива. Луначарский держится за край столика, качается вместе с ним и недоуменно оглядывается, подсаживая пенсне.

Проход широк, а люди сбились в кучу, давят, мешают друг другу. Игната удивляет и восхищает наружное спокойствие пожилой дамы. Сам он верен правилу: «не терять голову!» Хочет крикнуть: «Спокойно, товарищи и граждане!» Его опережает грузин в английском плаще с застежками в виде львиных голов:

— Стидно, кацо! — кричит с акцентом, — Ви же рреволюционери! Смотрите, вон сидит спокойный женщина!

Окрик подействовал. Толпа слегка оттянулась назад, и тогда выходить из каюты стало легко. Часть пассажиров тотчас устремилась в свои каюты. Но что же случилось? Озабоченно пробегает матрос. Его задержали, засыпали тревожными вопросами.

— Похоже, сели на подводный камень, — спокойно отвечает моряк. — Принимаются меры.

— Ко дну скоро пойдем? — полушутя спрашивает Луначарский.

— Не знаю! Дело в том, что товарищи в Стокгольме и команда просили капитана быть осторожным. Отклонились от курса. Туман, сами видите... не досказав, матрос вырвался из круга, убежал.

Стреляет сигнальная пушка. Звук — без раската, поглощенный туманом и возрастающей зыбью. В закрытой кают-компании стало вдруг неприятно и тесно, часть пассажиров вышла на палубу, часть бросилась по каютам вниз. Здесь осталась все так же спокойно сидящая дама и удрученный буфетчик. Куда ушел Луначарский, Игнат не заметил. Минут через пять увидел его на палубе с саквояжем в одной руке и пледом в другой.

Тревожно ревели сирена. Казалось, что и ее голос не проникает сквозь туман. На пароходе шла суетня: налаживали откачку воды из трюма.

— Что? Как? Поступает вода, господин капитан?

— Да-а, насосы не успевают, но... к счастью, мы прочно засели на камне.

Капитану не верили. Вон двое ухватились за спасательный круг, другие мечутся с чемоданами по палубе, на

которую, через борт, горстями падает студеная вода.

— Пояса! Где же пробковые пояса? — Эксплуататоры никогда о людях не заботятся!

Нет, позаботились все-таки! Матрос открывает кабинку: к сложенным поясам тотчас устремляются жадные руки, — первые особенно жадны. Вот подошел Луначарский. Ноги скользят по мокрой палубе, (ветер и качка сбивают пенсне, его надо придерживать. Как-то застенчиво берет Анатолий Васильевич один из последних поясов. Но надеть его мешают и пенсне и плед с саквояжем. Игнат помогает.

— Чудесно! — восклицает, оглядывая себя в поясе, Луначарский. — Волна озорно обдает обоих брызгами. Он шутит:

— Стихия, однако, шалит, а?

— Когда-нибудь человечество обуздает и стихию, — изрекает Игнат.

— Обязательно! — серьезно подтверждает Луначарский. Во всяком случае, мы должны выжить, вопреки стихиям. Дождаться второй революции! Ильич уверяет, что вторая будет удачнее.

Влажный ветер и брызги прямо в лицо мешают говорить, под ногами нет прочности.

— А ведь крен увеличивается?

— Медленно! — поправляет Игнат.

— Все-таки... Почему вы без пояса?

Игнат поднял оброненный в суматохе пояс... посмотрел на взрыхленную и холодную, до жути неприятную воду... Разве на ней продержишься долго? И пояса не стал надевать. С дружеской издевкой спросил:

— В вашем чемоданчике, Анатолий Васильевич, драгоценности?

— Часть съездовских материалов, — ответил Луначарский. — Вы кто, бек или мек?

— Как вам не стыдно! — упрекнул Игнат. — Мы же объединились!

— Да, да... конечно! Но неужели вы думаете, что наш Ильич протерпит долго в атмосфере традиций... правда, славных традиций, но изрядно пахнувших нафталином?

Поеживаясь от холода, Луначарский предложил:

— Как видно, мы сядем на дно не так

еще скоро. С подветренной стороны нам будет лучше. Кстати, расскажите мне о ваших впечатлениях.

На другой стороне парохода, у тепловой трубы, и в самом деле было уютнее. Здесь Анатолий Васильевич снял с себя пояс, положил его рядом с поясом Игната, сел на него и закурил.

— Итак — мы на съезде и «вновь переживаем». Как наши вожди, что вам наиболее запечатлелось?

Игнат начал не сразу.

— Меня поразил один, с виду совсем незначительный случай. Отстала подошва. Зашел я в небольшую мастерскую. Пришили. Но платы не взяли. Мне это было непонятно. Языка друг друга мы, конечно, не знали, но все же в конце концов, договорились. Оказывается, им известно, что мы — из России, после героических боев с кровавым самодержавием, — вроде побоища Зигфрида с чудовищем. И что подло было бы с их стороны брать плату за пустяковую помощь. «Ведь вы, сказал один из них, дрались и страдали не только за себя, а и за угнетенных всего мира».

— Но ведь и вы боретесь с капитализмом?! — возразил я.

Они переглянулись между собой и рассмеялись.

— Стачки, геноссе, это не то.

Луначарский весело засмеялся.

— Выходит, что за простую забастовку, хотя бы и всеобщую, миллионную, они даром не пришили бы? Знаете, об этом стоило рассказать. Стоило!

— Да я и хотел. Но эта чертова «гильотина»... пока раскатаешься — хлоп! «Список закрыт!» Или — «прения прекращены».

С промежутками в одну-две минуты хлопала пушечка и взывала о бедствии сирена. Туман погустел, надвинулся, солнца давно уже не было видно. Время определить было невозможно.

— А мы все еще не на дне? — словно удивился Анатолий Васильевич.

— А вы торопитесь?

— Да нет. Вероятно, на дне чертовски холодно.

— Вы... близко знаете товарища Ленина? — решился, наконец, Игнат.

— Достаточно близко. Интересуетесь? О, да, это... это человек незаурядный. Вы обратили внимание на его голову? В ней — гигантские, неограниченные возможности. Нельзя предсказать, что может совершить в будущем Владимир Ленин, нещадно ломающий закостенелые догмы.

— Вы в него верите?

— Безоговорочно...

Беседа была прервана возгласами:

— Сигнал принят! Принят!

Слышите ответный гудок?

— А вон, в тумане, кажется, огонек?

— Несомненно! — А почему не приближается к нам?

Кто-то авторитетно ответил:

— Потому, что мы в шхерах!

Вот теперь пробковый пояс можно было тайком сбросить и сделать вид, как будто в нем и нужды не было.

Вода в трюм парохода все прибывала, крен обозначился резко, но помощь была уже видна, — можно было возобновлять дискуссии об аграрном вопросе, баррикадах и прочем.

Как ни яростно бросались волны на шлюпку, все пассажиры были благополучно перевезены на лесовозную шхуну.

Судно было предельно загружено пиленным лесом; но и в тесных проемах и общей каюте экипажа судна — от юнги до капитана — приняли спасенных с несвойственной морякам радостью и почтительностью. За ходом борьбы с мировым жандармом они, конечно, следили! Читали и слышали от шведских и финских социал-демократов. Хорошо, геройски дрались русские революционеры! Показали, каким языком следует говорить с тиранами!

Делегаты были заботливо обогреты, обсушены и накормлены.

Всю ночь простояли на месте, в тумане трудно было ориентироваться, легко было наскочить на встречное судно или на камень. К утру туман поредел, пароход продвигался, часто сигналив сиреной.

Подытоживая впечатления, Луначарский спросил:

— Итак, из двух авторитетов — кто же более прав?

— Ответ ясен, — промолвил Игнат, любясь игрой волн, окрашенных багрянцем утра.— С кем другим, а с Ильичем спорить нам не придется.